

**Администрация города Вологды
Вологодский государственный университет
Союз писателей России
Вологодское отделение РГО**

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 2

KP-1482.882

**Вологда
2016**

СЛОВО В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Л.Г. Яцкевич
ВоГУ, г. Вологда

ЛИРИЧЕСКИЕ, ТРАГИЧЕСКИЕ И СМЕХОВЫЕ НАЧАЛА КВАСЮНИНСКИХ ЧАСТУШЕК

Частушки, которые пели речитативом жители деревни Квасюнино Шекснинского района Вологодской области (до революции Новгородской) в конце XIX – первой половине XX века, являются замечательным явлением народной крестьянской культуры. Этот малый фольклорный жанр нередко вызывает усмешку и не признается достойным специального изучения и даже фиксации. В.И. Белов в связи с этим приводит в пример отрицательное отношение к частушкам Ф.И. Шаляпина [Белов: 242]. Однако сам писатель считает, что и в частушках проявился талант русского народа: «Что бы ни говорилось о частушках, что бы ни думалось, волею судьбы она стала самым распространенным, самым популярным из всех ныне живущих фольклорных жанров. Накопленная в течение веков образная энергия языка не исчезает с отмиранием какого-либо (например, былинного) жанра, она может оказаться в самых неожиданных формах, как фольклорных, так и литературных» [Белов: 242]. Действительно, поэтика частушек заимствовала многие устойчивые словесные образы из лирических народных песен и даже былин. Например: *Пойду выйду в чисто поле, / Погляжу в ночную даль. / Ветры буйные сказали: / «Не придёт – не ожидай!»* (330). *Поедешь миленький венчаться – / Заезжай ко мне прощаться. / Возьми думушку мою, / Подложь под гравушку коню* (324).

В свое время отец Павел Флоренский так же, как и В.И. Белов, доказывал художественную значимость частушек. Он использовал при этом сравнительно-исторический метод и показал на разных примерах, что данный фольклорный жанр встречается у многих народов с древних времен [Флоренский: 668]. Среди прочих примеров он цитирует и японские танки в переводе Г.А. Рачинского [Флоренский: 668-674]. Рассматривая квасюнинские частушки, мы также обратили внимание на то, что эти поэтические четверостишия напоминают своей лаконичностью и обязательным наличием подтекста японские национальные стихотворные формы: трехстишия – хокку, четверостишия – песни гейш, пятистишия – танки. Их художественные достоинства признаны во всем мире. Зародились они также в фольклоре и достигли потом совершенства у профессиональных япон-

ских поэтов в XVII веке. Есть еще одна общая черта поэтики русских и японских малых поэтических форм, на которую следует обратить внимание. Как отмечает В. Маркова, известный исследователь и переводчик японской поэзии, в пределах малого пространства хокку поэт не может развить свою мысль до конца, поэтому в каждом изображаемом им явлении «он ищет лишь его кульминационный пункт» [Маркова: 10]. Этот же прием типичен и для квасюнинской частушки, например: *Пойду выйду на крыльцо / Да снегом вымою лицо. / Кто в тальяночку играет – / Не моё ли золото? (331), От Череповца до Рыбинска / И глаз не осушил. / По тебе, моя сударушка, / Всё плакал да тужил (302). Натацило много снегу / К огороду, глубоко. / Только с милым познакомилась / – Уехал далеко (241).*

История собирания частушек Вологодского края началась давно и продолжается до сих пор. В XIX частушки записывались как местными краеведами, так и известными филологами и общественными деятелями. О результатах их работы писал известный фольклорист В.В. Гура [Гура: V-XX]. Вологодский поэт С.В. Викулов интересовался устным народным творчеством родного края и издал в 1957 году сборник «Вологодские частушки, пословицы, поговорки». В 1965 году более пятисот частушек вошли в книгу «Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки. Песни. Частушки» (Под ред. В.В. Гура). Частушки Сокольского района опубликованы в сборнике «Вологодский фольклор» в 1975.

Безусловно, частушки неоднородны по своей эстетической и нравственной значимости. Тем не менее, то, что мне посчастливилось успеть записать в годы моей молодости от моих бабушек, мне очень дорого и представляется бесценным наследством, достойным хранения в сокровищнице национальной культуры. Частушки были записаны у Калачёвой Надежды Феофановны (1987–1963) и Вальковой Ульяны Ивановны (1883–1971) в 1963 году (№ 1-562), у Раисы Ивановны Тихомировой (1916–1994) в 1964 году (№ 563-638), у Галины Стасиевны Калачёвой (1925–2001) в 1995 году (№ 639-718). Большая часть этих частушек опубликована в моей книге «Слово о родной деревне» [Яцкевич 2011: 21-73]. Кроме того, мне передали недавно записи моего ныне покойного родственника Юрия Андреевича Валькова, в его тетради записано более двухсот «мужских» частушек.

Ценность квасюнинских частушек заключается в том, что, с одной стороны, в них талантливо воплотились традиционные поэтические образы данного фольклорного жанра, а с другой стороны, они обладают ярким местным колоритом, как в своих сюжетах, так и в языке. Для современной крестьянской культуры эти частушки являются архаикой, так как сейчас таких частушек не поют: исчезли зафиксированные в них этнографические детали, ушли в прошлое когда-то важные для крестьян социальные пра-

ла и политические события, изменился сельский быт, утративший традиционную народную эстетику, которую так зорко и талантливо показал в своей книге «Лад» В.И. Белов. Таким образом, старые записи таких фольклорных текстов представляют ценность для истории народной культуры северного крестьянина.

Для изучения поэтического языка жителей деревни Квасюнино мы составили «Словарь словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино» на основе 745 текстов местных частушек [Яцкевич 2016]. В словарь включены только те слова, которые имеют эмоциональную и образную выразительность и отражают особенности традиционного крестьянского художественного мировосприятия. В словарь включены следующие пласти народной лексики: 1) устойчивые символы; 2) постоянные эпитеты; 3) фольклорные метафоры; 4) слова в составе стилистических фигур: устойчивых сравнений, параллелизмов, противопоставлений, олицетворений и др.; 5) слова – носители устойчивых поэтических мотивов в частушках; 6) этнографизмы; 7) в отдельный раздел словаря выделены имена собственные. Приведем пример одной словарной статьи:

Вянуть, как трава: Ты женился да и плачешь. Поглядика-ко на меня – Я гуляю, как цветочек, А ты *вянешь, как трава* (621). Женится-венчается / Мой-то ягодиничка. / Всё равно не расцветёт – Завянет, как травиночка (107). Пойду в сад, сорву цветок. / Пусть завянет травушка. / Последний раз целую вас. / Прощай, моя сударушка (329). У родимой-то у матушки, / Как алый цвет, цвела. / У лихие у свекровушки / Завяла, как трава (475).

Речь жителей деревни Квасюнино совмещает черты Вологодских и Белозерско-Бежецких говоров северного наречия. Местные (диалектные) слова, хотя их достаточно много в частушках, в данный словарь в качестве отдельных словарных статей, как правило, не включаются, так как они рассмотрены в отдельном «Словаре местного говора деревни Квасюнино», основным источником которого является записанная нами живая речь местных жителей [Яцкевич 2015]. Кроме лексических и словообразовательных диалектизмов, для этих частушек характерны и морфологические и синтаксические диалектные черты. Например: *На горе милого дом – / Вся усадьба видно. / С чужакам буду гулять – / Своим обидно* (227). Диалектное произношение отражено в записи частушек только в тех случаях, когда оно важно для ритмико-интонационного звучания частушки и рифмы. Например: *Вышивала носовой / Ради памяти твоей. / Изорвёшь ли потеряншь, / Не считай меня своёй* (56). *Кабы знала – написала / Моему милому вись. / На почтовой на бумаге, / Какова в разлуке жись* (134).

Слова в словаре расположены алфавитно-гнездовым способом. В одну словарную статью помещены все однокоренные слова, встречающиеся в

квасюнинских частушках. Гнездовой способ способствует наглядному представлению устойчивых образных функций однокоренных слов в местных частушках.

Существуют различные классификации частушек, чаще всего тематические. Ниже мы предлагаем жанрово-тематическую классификацию квасюнинских частушек. Имеется в виду такая их особенность, как наличие в них разных эмоциональных начал: лирического и трагического, лирического и смехового, трагического и смехового. Эта особенность нашла своеобразное воплощение в их поэтике и языке. Среди женских частушек преобладают лирические сюжеты, а среди мужских частушек – смеховые, ироничные и самоироничные, что можно объяснить различиями психологических типов мужчин и женщин, ситуаций, манерой поведения девушек и парней.

Наблюдению над лирическими, трагическими и смеховыми сюжетами частушек во многом способствует составленный нами «Словарь словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино» [Яцкевич 2016].

Лирические сюжеты

Записанные мной частушки нередко напоминают принародную исповедь, а иногда иносказательное повествование от первого лица, но речь при этом идет о другом человеке, поэтому в таких случаях частушка становится похожей на эпиграмму. В.И. Белов в книге «Лад» писал: «В частушечном монологе выражается исповедальная энергия. В фольклорных запасниках имеются частушки для выражения любых чувств, любых оттенков душевного состояния. Но если подходящее четверостишие не припоминается или неизвестно поющему, тогда придумывается свое, совершенно новое» [Белов: 244]. Лирические сюжеты частушек отражают любовные чувства и отношения молодых крестьян. Обычно они высвечиваются в частушках параллельно с образами природы: Я тогда тебя забуду, / Сероглазый дроля мой, / Когда вырастет на камешке / Цветочек голубой (553). Я пойду да помолюся / У рябинушки густой. / Не последнюю ли зимушку / Гуляю холостой (532); Поднебесная-то птичка / В поле камешки клюёт. / А разнесчастная девчонка / С горя песенки поёт (321); Шел я лесом – приустал, / На камешок садиться стал. / Платочек белый вынимал, / Тебя, милашка, вспоминал (735).

Иногда лирический сюжет разворачивается на фоне крестьянского быта и труда: Не ходи, милаша, полем. / Где невыжатая рожь. / Не считай меня сударушкой, / Люби, какую хошь (603); Частый дождик поливает – / Меня милый вспоминает: / «Мочит милую мою / На сенокоше бедную» (482). Мимо милого окошечка / Печальная хожу. / Из-под белого платочка /

На милого дом гляжу (199). Понавесила платок – / Не берёт и солнышко. / Поглядела на милого – / Не жалеет, ровнышко? (352).

В старой деревне было много домашних животных, поэтому и в лирических частушках они постоянно упоминаются: Милый лошадь запрягает, / Разворонова коня. / Ты не свататься ли ехать – / Прокати перво меня (193). Поедешь миленький венчаться – / Заезжай ко мне прощаться. / Возьми думушку мою, / Подложь под гринушку коню (324). Были с осени загонены / Коровы в хлевушке. / Парню нечего гоняться, / Коль не надо девушки (7).

Темы лирических сюжетов в квасюнинских частушках повторяются, но каждый раз освещаются по-новому свежо и задушевно. Одной из них является тема утраченной или неразделенной любви, разлука влюбленных: Закатилось красно солнышко – Не будет большие греть. Отвалилось право крылышко – Тебя милый жалеть (117). Много говорится в частушках о сватовстве, замужестве, женитьбе. Они отражают уже забытые ныне обряды и обычая, а также нравственную строну этого важного для молодых события: С милым Богом обнеслись, / А обвенчаться не пришлось / Всю мы зимушку сидели – / К лету дело разошлось (408). Сероглазая сударушка, / Пойдёшь ли за меня? / Я на карем жеребёночке / Приеду по тебя (399). Ты подумай, милый, думушку, / Потом ко мне и сядь. / Ты спроси своих родителей, / Дадут ли замуж взять (440).

Удивляет, как часто молодые девушки по различному поводу вспоминают в частушках свою мать и мать своего милого: Маменька родимая, / Свеча неугасимая, / Дай поспать, понежиться / Да погулять, потешиться (163). Только стали заниматься – / Увидала матушка. / Из переднего оконечка / Меня и Санушка (426); У милого у дружка / Да любопытна матушка. / Она спросит у людей: / «Своя ли кофточка на ней?» (473); Во соборике забрякали – / Поехали к венцу. / Дай-ка, мама, сонных капель – / На минуточку усну (22). Меня мамонька будила / По утру до зорюшки. / Привыкайко, доченька, / Пока не у свекровушки (173). Парни только иногда вспоминают в частушках свою мать, по нашим наблюдениям, в двух критических моментах жизни: а) в ситуации, когда сын приводит в дом в самоходочку (Отворяй мамаша двери – / Сын с гуляночки идёт. / Отворяй да и пошире – / Самоходочку ведёт (299)), б) во время рекрутского набора, когда прощается с родными (Ты не плачь, чужая тётка, / Не кливи родную мать. / Прослужу четыре годика – / Приду домой опять (435)).

Мы привели лишь незначительную часть частушек, посвященных матери. При рассмотрении всего корпуса таких частушек обнаруживается множество вариантов названия матери: мать / матушка / матка / мама / мамаша / мамашенька / мамонька.

Трагические сюжеты

Трагические сюжеты квасюнинских частушек очень разнообразны по своим темам и охватывают многие стороны жизни молодых крестьян в конце XIX – первой половине XX века. Это была переломная эпоха народных бедствий. Ниже приводятся основные темы частушек, имеющих трагическое звучание:

Неудачная любовь: Что ты, белая берёзка, / Низко наклонилася. / Я, несчастная девчонка, / В подлеца влюбилась (491). У меня-то горя много. / Горю некому помочь. / Я со этого со горюшка / Ревела день и ночь (456). У меня подружка – / Пуховая подушка. / Покатаюсь, поревлю – / Она не скажет никому (459).

Разлука любимым, с родными: Буду пить холодну воду / Изо всех текучих рек. / Буду лить горючи слёзы / По тебе, милаша, век (5). Думала, что не расстаться! / Как легко рассталися – / Проводила в чисто поле – / Чуть жива осталася (102). Чёрный ворон воду выпил, / Берег с берегом сошлись. / Мы нечаянно с милёнчиком / Навеки разошлись (634). Отвори, мама, окошко / В яровое полюшко. / Перенесёт моё сердечко / Хоть какое горюшко (297). Я писала, сердце ныло, / Отправляла – так и мрёт. / Вспомни, миленький в / разлуке, / Как сударушка живёт (516). Моего-то ли милого / Будут люди провожать. / Я, молоденькая девушка, – / В постельюшке лежать (208). Я жалею тебя, миленький, / Жалеть буду всегда, / Пока в морюшке не высохнет / До донушки вода (504).

Ревность: Было легче бы сердечушку / Взволноваться на ноже, / Чем мне видеть супостаточку / С милашкой при себе (8). Горюшко, ты, горюшко, / Горюшко кукушкино. / От меня милой отстал, / Так счастьице подружкино (71). Дай бы, Господи, забрили – / Не достался никому. / Ни подружке, ни мене – / Чужой бы дальней стороне (77). Было легче бы сердечушку / Взволноваться на ноже, / Чем мне видеть супостаточку / С милашкой при себе (8).

Разлад с родителями: Песенка – душа моя, / За песенку бранят меня. / Я не долго попою – В сенокос замуж пойду (306). Вы родители-губители, / Сгубили девушку – / Я без памяти лежала / Целую неделюшку (52). Не ругай, родная мамонька, / Что много хлеба ем. / Сшей-ка белую котомочку, / Уйду – не надоем (264). Улетело моё счастьице, / На тройке не догнать. / На родимую на маменьку / Всегда буду пенять (455). Не знает мамонька моя, / Чего на сердце у меня. / На сердечке на моём / Вода холодная со льдом (250).

Рекрутство: Ты не плачь, чужая тётка, / Не кливи родную мать. / Проложу четыре годика – / Приду домой опять (435). Две кукушки куковали / На одном на прутике. / Две девчонки тосковали / Об одном некрутнике (80).

Некруга по церкви ходят. / В два ряда свечи горят. / По несчастным по не-
кругуликам / Сударушки ревят (251). Пока некрутом гулял, / Милашка зано-
силася. Счастливый жеребий достался – / Уважать хватилася (341). Кабы
знала, так не стала / Безольготного любить. / Каково четыре годика / Без
милого прожить (135). Под окошечком у нас / Цветики зелёные. / Четыре
годика мене / Какие невесёлые (323).

Сиротство: Все я реки и озёра / Принаполнила слезам. / Надоело мене
девушке / Шататься по людям (41). Вся ведь молодость моя / В печали-
горести прошла. / Нету мне весельца / Окроме воскресеньца (45). Пойду
выйду в чисто полюшко, / Поплачу у елей. / Не понежили родители – / Не
нега у людей (334). Посидела бы одна, / Думушку подумала, / Как я бедна
сирота / Каждый день обругана (361).

Чужая сторона: Стань-ко матушка пораньше, / Да послушай по зоре, /
Как твоя-то дочка плачет / На чужой на стороне (414). Золотые кольца ту-
скнут / На чужой сторонушке. / Только знает он да я – / Расстались по не-
волюшке (123). Раскукуется кукушка / Рано утром на зоре. / Разволнуется
сердечко / На чужой на стороне (388). На машинушку садился – / Он пове-
сил голову: / «Ты вези меня, мапина, / На чужую сторону» (233). Ты не
езди, милый, в Питер. / Там чужая сторона. / Ты полюбишь питеряночку – /
Забудешь про меня (434).

Неудачная женитьба или замужество: Не ходите, девки, замуж. / Та-
мо жизнь проклятая. / Каждая полосонька / Вся слезам уканана (277). По-
жила бы в этом доме, / Поносила бы воды. / Привела судьба несчастная – /
Ношу да не туды (325). У родимой-то у матушки, / Как алый цвет, цветла. /
У лихие у свекровушки / Завяла, как трава (475).

Тюрьма: Светит месяц на восток. / Ведут в Череповец в острог. / За
решётку медную / Ведут милашку бедную (392). Моего-то ли милого / На-
зовут острожником. / По ретивому сердечку / Словно режут ножиком
(207). Вологодская тюрьма. / Чем украшена она? / Ёлками, берёзками, /
Ребятами-подростками (729). Вот застукали колеса / И зафыркал паровоз /
Хулигана Саньку Шмонина / В условию повез (738). Посадили за решётку,
/ Не велели песен петь. / Мой товариш заиграет, / Где же черту утерпеть
(739). Из тюремного окошка / Видно Ягорбу-реку. / Принеси, милашка,
хлеба. / Не забудь и табаку (740).

Война: Ты, сударушка моя, / Да поднимается война. / Нас в Японию
угонят – / Ты останешься одна (437). Ягодиночка убит, / Лежит под Сева-
стополем. / Ему вырыта могилушка / В саду под тополем (705).

Смерть: По погосту похожу, / Клубочком покатаюся, / Родную маму
побужу, / Слезам поуливаюся (737). Атаманова могилушка / Осокой зарос-
ла. / Я осоку выкошу, / Атамана выпущу (730). Атаман у нас молоденький.

/ Не выдадим его. / Семером в могилу ляжем / За него за одного (731). На мою на гробовиночку / Натёсано досок. / Порядилась в маслоделочки – / Не знаю, когда срок (230). Когда я в могилу лягу, / Пусть во мне остынет кровь. / Тогда, девушка, забуду / Всю проклятую любовь (150).

Смеховые сюжеты

Смеховые сюжеты по свои темам и эмоциональной тональности очень разнообразны. Именно в этих сюжетах иногда можно встретить цинизм, грубость, вульгарность, однако мы записывали и помещали в свой словарь только частушки, имеющие художественные достоинства и своим смеховым началом не доходящие до пошлости и непристойности.

Самоирония: Я пляшу да худо стукают / Подшитые мои. / Я гуляю – дома охают / Родители мои (530). Однаковое купим, / Однаково сошьём, / Однаковых полюбим, / На реку гулять пойдём (284). Мы с милашкой целовались / На полатях у квашни. / До чего дообнимались – / Все праяженники ушли (220). Прибежал я на беседу – / Моя милка занята. / Засучил портки до пупа / И с беседы ла-та-та (370). Уж ты, милая моя, / Лесная камелина. / Полюбила ты меня – / Эдакого мерина (449). Мы с товарищем непьющие, / Не курим табаку. / От Синицына до Репина / Катились на боку (741).

Шутки над милкой: Ой, капустка моя, / Мелкорубленная. / Шантрапа не подходи – / Милка пудреная (287). Сроду водки не пивал – / Милашка приневолила. / Во солдатушки пошёл – / Десятку приготовила (413). Уж ты, милая моя, / Рублёвый взглядик у тебя. / – Не рублёвый – сотенной. / Поразговаривай со мной (452). Как Квасюнинские девушки / Малы да удали. / За любого – так и замуж. / Ничего, что молоды (138).

Шутки над милым: Полюбила, девушки, / Такого ротозеюшку. / Рот разинул, глазки вырачил – / Глядит на девушку (347). Полюбила милого – / Такого полоротого. / Чего буду говорить – / Рот откроет да глядит (348). У меня милаша есть – / Стыд по улице провесть. / Рот до самых до ушей – / Хоть завязочки пришёй (458). Ты, цветочек аленький, / Лучше б умер маленький. / Я бы не родилася, / В тебя бы не влюбилася (439). Мне сказали: «Милый умер». / Я и не поверила – / Неужели в гроб положат / Эдакого мерина (201). Сидит милый под окончиком, / Головушкой трясёт. / Не выглядывай, милёночек – / Ворона унесёт (403). Сколько времени гуляла / И не знала, что глухой. / «Сколько времечка?» – / спросила. / Он сказал: «Не занятой!» (405).

Шутки над товарищем: Хорошо товарищ пляшешь, / А дробишь-то как овца. / Не тебя ли завернули / Со парадного крыльца (478). Дорогой ты мой товарищ, / Ты мене не поперечь. / Уведу твою сударушку – / Тебе не

устеречь (96). Мы с товарищем непьющие, Не курим табаку. / До Квасюнина от Чаромских / Катились на боку (726).

Насмешка над соперницей (над супостаткой, лиходейкой): Носовой заволочу – / Из ведёрка сокачу. / Супостатка невелика – / На бегу перескочу (280). Супостаточка, не модничай, / Кудрей много не вей. / У меня, у бойкой девушки, / Подумай да отбей (420). Супостаточка моя / Высоко брови подняла. / Она бахвалит-то люто. / Её не любит-то никто (419). Лиходеечка моя / Завары нахлебалася. / Вся деревня хохотала, / Как она каталася (159).

Насмешка над чужаками или врагами: Ты, германец-оборванец, / Тебе хватит воевать. / Отпусти ребят жениться, / Девок некуда девать (429). Ленинград меня позорил, / Но и я его срамил. / Без портока в одной рубахе / Вдоль по Невскому ходил (734).

Насмешка над новыми реалиями периода гражданской войны и советской власти: Я мальчишка-комсомолец, / Мне доверили наган. / На собранье – комсомолец. / На гулянке – хулиган (742). При царе при Николашке / Ели белые олашки. / У царя у Ленина / Съели хвост от мерина (687). Я из Питера приехал, / Десять фунтов вшей привёз. / Взял да вывалил на лавку – / Матка думала овёс (499). Сталин Ленина будил – / По брюшине колотил. / Ты вставай-ко, сотона, / Пятилетка сорвана (691). Говорят все – Ленинград, / Ну а надо – Петроград. / Его Первый Пётр построил, / А не ты, плешивый гад (568).

Насмешка над инфернальным существом: Шел я лесом, видел беса. / Он в чугунных сапогах, / Сам яловый, нос дубовый / И тальяночка в руках (736).

Ирония над богатым или бедным состоянием: Сяду я на лавочку, / Котора покатее. / Полюблю, не ошибусь, Который побогатее (424). Катаники серые, / Волосьё кудреватое. / Три копейки прогулял – / Дело не богатое (143). Не пора, не времечко / Ячменю колоситься. / Не богатее меня – / Не стоит заноситься (259). Не форси, милёночек – / Не богатый домичек. / Я была во домике – / Одна вода на столике (275). Ой, чайничек, / Рыло медное. / Целоваться не умею – / Дело бедное (292). Пошла плясать, / Дома нечего кусать, / Сухари да корки. / На ногах опорки (744). Что ты, мама, делаешь – / На пече обедаешь. / Шти хлебаешь, редьки нет. / Это что и за обед (492).

Насмешка над пьянством: Мы с товарищем непьющие, / Не курим табаку. / От Синицына до Репина / Катились на боку (741). У солдата-усана, / Куда ум девался? / На горушке вокруг ёлушки / Ум-от обвивался (476). Я на свадьбе гуляла / Да присвистывала. / Потеряла сарафан – / Не разыскивала (519). Пей, товарищ, самогонку / Из бутылки прямо в рот. / Посмотрите, как гуляет / Девятьсот десятый год.

Шутливая языковая игра: Парень белый, вышитой, / Рубаха кудреватая. / Огород в завор попал, / Суслон телёнка растрепал (722). Я на кайре на телеге, / На сосновой лошаде, / На босу ногу в тулупе, / На распашку в сапоге (727). Шти, шти, щечки, / Шти в горшечке, / Шти в кашничке, / В калабашничке (743).

Выводы

Частушки – поэтические четверостишия отличаются лаконизмом, смысловым подтекстом, художественной изобразительностью и экспрессией. В.И. Белов, защищая этот малый фольклорный жанр, был прав. В своей статье мы сделали попытку продолжить его дело и показали талантливость русского народа и в этом виде творчества, сравнили достоинства северных русских частушек с признанными в мире поэтическими достоинствами японских национальных малых форм – танка и хокку.

Записанные и рассмотренные нами частушки вологодской деревни Квасюнино, судя по их разнообразной тематике, являются энциклопедией жизни крестьян этой деревни в переломную эпоху конца XIX – первой половины XX века. В них нашли отражение северная природа, крестьянский труд и быт, рекрутство, тюрьма, взаимоотношения в миру, любовь и дружба, беды и радости, нравственные критерии отношения к событиям как личной, так и общественной жизни, любовь к родному краю и гражданская смелость.

При составлении «Словаря словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино» мы руководствовались методами лингвофольклористики, нового раздела языкоznания, основы которого заложены учеными Курской школы лингвофольклористики [Хроленко].

Литература

Белов, В. Лад. Очерки о народной эстетике / В. Белов. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 293 с.

Вологодские частушки, пословицы, поговорки / сост. С.В. Викулов. – Вологда, 1957.

Гура, В.В. Вологодский край и его народная поэзия / В.В. Гура // Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки. Песни. Частушки / под ред. В.В. Гура. – Северо-западное книжное издательство, 1965. – С. V–XX.

Маркова, В. Предисловие / В. Маркова // Хокку. Японские трехстишия / пер. с япон. Веры Марковой. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 5–42.

Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки. Песни. Частушки / под ред. В.В. Гура. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1965.

Флоренский, П.А. Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда [Вступительная статья к изданию: Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909] / П.А. Флоренский //

Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – С. 663–681. – Т. 1.

Хроленко, А.Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А.Т. Хроленко. – Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. – 229 с.

Яцкевич, Л.Г. Слово о родной деревне / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2011. – 272 с.

Яцкевич, Л.Г. Словарь словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино. Машинопись, 2016. – 230 с.